

АРХЕОЛОГИЯ. ЭТНОГРАФИЯ. ИСТОРИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ

УДК 94(47.571.1/5).084.9+398.332.424+055.2

DOI 10.26456/vthistory/2022.4.111–124

«ЖЕНСКИЙ ПРАЗДНИК»: ТРАДИЦИИ ПРАЗДНОВАНИЯ НОВОГО ГОДА В НОВОМ СОВЕТСКОМ ГОРОДЕ В 1950–60-Е ГОДЫ

А.В. Жидченко

Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая
Российской академии наук, г. Москва, Россия

Статья раскрывает некоторые особенности всенародно любимого в СССР праздника – Нового года сквозь призму женской повседневности, на материалах новых городов СССР, строившихся в 1950–60-е гг. «рабочих» городов: омского Городка Нефтяников, Ангарска Иркутской области и «научкоградов» (на примере подмосковной Дубны). В исследовании впервые в отечественной и зарубежной историографии сделана попытка проникнуть под покров праздничного лоска и атмосферу ностальгии и понять реальные эмоции, чувства и переживания советских девушек и женщин, которые набирались жизненного опыта на комсомольских стройках, вдали от родителей. Им хотелось семейного счастья, но они сталкивались с суровыми реалиями советской действительности – дефицитом продуктов, рабочими сменами в новогоднюю ночь. Подобные примеры не были массовыми и всеобъемлющими для подобных новых советских городов, но именно они наглядно показывают всю противоречивость между идеальной картиной праздника, создаваемой советской пропагандой, и ее реальным воплощением в повседневной жизни.

Ключевые слова: *повседневность, женская история, праздники, городская культура, Сибирь, устная история.*

В современной ситуации антропологического поворота в гуманитарных науках внимание историков к обычным, повседневным, обыденным практикам в общественных отношениях приобретает особое значение. В этой связи актуальными становятся не только ответы на вопросы об эволюции повседневности рядовых граждан, об их приспособлении к меняющимся социально-экономическим условиям жизни, но и оценка эмоционально окрашенных событий, подпадающих под ракурс некоего ностальгического видения, которое испытывают как сами ученые-историки, так и те, кто находится в поле их исследования. Так, воспоминания бывших советских граждан об особых моментах жизни, отношениях мужчин и женщин, праздниках,

рождении детей, становятся предметом эмоциональных переживаний не только самих респондентов, но и других акторов, вовлеченных и в исследовательский процесс, и в прочтение уже готового продукта научной работы.

Новый год неслучайно считают главным советским семейным праздником. В отличие от официальных празднований 7 ноября или 1 мая, а также все равно имевших некий идеологический налет Международного женского дня или Дня защитника Отечества, Новый год становился главным и долгожданным из всех праздников для большинства советских граждан.

В целом советские праздники становились объектом изучения многих историков и исследователей в сфере гуманитарных наук. В этой связи можно отметить тексты Е.В. Барышевой¹, О.Ю. Прудовской, Д. Зеверта, С.Г. Азаряна и др. В той или иной степени, праздники и праздничная культура выступали в контексте бинарных оппозиций в противоположность работе (в том числе быту, хозяйству).

Авторы целого ряда работ пытались сквозь праздник и праздничные ритуалы осмыслить социальный контекст развития советского общества, а также найти в этом отражение одной из главных и значимых сторон повседневности – формы досуга в противоположность труду и работе, которым в советской историографии традиционно отводилось важное место.

Важно отметить и ряд работ, посвященных различным аспектам женской повседневности в разные исторические эпохи: Н.Л. Пушкаревой, А.В. Беловой, Н.В. Середы, З.З. Мухиной². Отдельные аспекты городской женской повседневности СССР середины XX века затрагивались зарубежными исследователями, среди которых можно назвать: Гэйл Липидус

¹ *Барышева Е.В.* «В веселом грохоте, в огнях и звонах»: советский праздник в социальном конструировании нового общества. М., 2020; *Прудовская О.Ю.* Праздничное средовое пространство города (на примере города Омска). М.; Берлин, 2017; *Зеверт Д.* Современные подходы к пониманию праздничной культуры в Советском Союзе // Вестник РГГУ. Серия: «Политология. История. Международные отношения». 2015. № 2. С. 103–113; *Зеверт Д.* Современные подходы к пониманию праздничной культуры в Советском Союзе // Вестник РГГУ. Серия: «Политология. История. Международные отношения». 2015. № 2. С. 103–113; *Азарян С.Г.* Частный праздник в пространстве российской культуры повседневности // Культурная жизнь Юга России. 2016. № 1. С. 26–31; *Азарян С.Г.* Частный праздник в пространстве российской культуры повседневности // Культурная жизнь Юга России. 2016. № 1. С. 26–31.

² *Пушкарева Н.Л.* Частная жизнь женщины в Древней Руси и Московии: невеста, жена, любовница. М., 2011; *Пушкарева Н.Л.* История повседневности: Предмет и методы // Социальная история. Ежегодник, 2007 / Редкол.: И.Ю. Новиченко, А.К. Соколов, Р.М. Андерсон. М., 2008. С. 9–54. *Белова А.В.* Женская повседневность как предмет истории повседневности: историографический и методологический аспекты // Российская повседневность в зеркале гендерных отношений: Сборник статей. М., 2013. С. 25–67; *Середа Н.В.* Дневник тверских жителей Блиновых – документальный памятник женской эмансипации // Российская повседневность в зеркале гендерных отношений: Сборник статей. М., 2013. С. 104–116; *Мухина З.З.* Повседневная жизнь женщины-крестьянки в пореформенной России // Российская повседневность в зеркале гендерных отношений: Сборник статей. М., 2013. С. 155–176.

(«Женщина в Советском обществе»); Светлану Бойм («Общие места: Мифология повседневной жизни в России»; Меланию Илич («Женщины-работницы в советской межвоенной экономике: от «защиты» к «равенству»), Линн Этвуд («Женщина в хрущевскую эпоху»)³ и др. Однако в целом эти исследования лишь по касательной затрагивали такой более неформальный советский праздник, как Новый год, и не делали попыток углубиться в самую суть эмоционально-психологического фона женских переживаний этого праздника.

В предлагаемой работе на материалах двух новых сибирских городов 1950–1960-х гг., созданных вокруг предприятий нефтехимической отрасли, – омским Городком Нефтяников и городом Ангарском в Иркутской области, – выявляются основные гендерные особенности празднования Нового года в «рабочем» городе. На примере другого города – созданного в этот же период подмосковного наукограда Дубна, – опровергнуть некоторые из характерных для «рабочих» городов практик.

В общем советском контексте празднования Нового года в середине XX в., образы которого навязаны кинематографом (как художественным, так и документальным), стереотипными представлениями, ностальгическим налетом воспоминаний современников, этот праздник предстает исключительно со стороны сверкающих елочных игрушек, пышного застолья, уютной и теплой семейной атмосферы, а также приятных хлопот. Задача предлагаемой статьи – ответить на вопрос: как проводили новогодний праздник женщины и девушки, приехавшие в новые города Сибири по комсомольским путевкам, где они начинали жизнь с «чистого листа», вдали от родителей (главным образом мам, которые могли всегда пожалеть, посоветовать, помочь).

Исследование проведено на материалах широкого круга источников, среди которых законодательные акты, воспоминания старожилок омского Городка Нефтяников и Ангарска, проживавших в этих городах в 1950–1960-е гг., статьи в периодических изданиях, фотодокументы, художественные фильмы и др.

Новогоднее празднование в первые послевоенные десятилетия вызывало положительные эмоции у советских тружеников, что находило отражение в киноискусстве: в целом ряде известных отечественных кинофильмов новогоднее торжество уже с конца 1940-х гг. становится если не главной, то одной из линий сюжета фильма. Так, советские зрители имели хорошее представление о том, как отмечают наступление нового года на комсомольской стройке в сибирской тайге («Карьера Димы Горина», 1961 г.), в обычном доме культуры («Карнавальная ночь», 1959 г.), на Донбассе («Случай на шахте восемь», 1957 г.) и в советской Молдавии («Вам телеграмма», 1983 г.). И во всех этих фильмах женщины являются в советском

³ *Lapidus G.W.* Women in Soviet Society: Equality, Development and Social Change. 1978; *Boym S.* Common Places: Mythologies of Everyday Life in Russia. Harvard University Press, 1994. *Ilich M.* Women Workers in the Soviet Interwar Economy: From 'Protection' to 'Equality'. 1998.

кинематографе главными организаторами праздника. Именно они, с одной стороны, вопреки обстоятельствам всегда делают все возможное, чтобы украсить праздник, а с другой – всегда сами становятся главным его украшением.

Особенностью празднования нового года в новых сибирских городах (построенных в 1950–1960-е гг.) становилось то, что их жители, в отличие от московских, ленинградских или, к примеру, ярославских семей, где старожилы имели уже свои, устоявшиеся за долгие годы семейные традиции, становились новаторами и создателями новых традиций, в том числе и в праздновании Нового года. Это было приспособление к обстоятельствам жизни – временному бараку или комнате в общежитии, коммунальной квартире или пустой отдельной квартире, в которую накануне праздника (как правило, согласно воспоминаниям, так и случилось) только въехала молодая семья.

Эти молодые семьи, оказавшись в новых условиях, конструировали новые образы празднования Нового года. Согласно воспоминаниям, они отходили от уже устоявшегося к началу 1950-х гг. формата празднования Нового года в виде застолья. Приходили в заводские цеха не в свою смену, чтобы встретить праздник с теми, кто остался на дежурстве в новогоднюю ночь⁴, гуляли всю ночь большими компаниями по всему району с гитарой и аккордеоном⁵, приурочивали к новогодней ночи празднование комсомольской свадьбы, новоселья или рождения ребенка и т. д. Это были молодежные задорные праздники, характерные для периода «оттепели».

Незамужние девушки в этих молодых комсомольских городах-стройках шли на новогодние вечера либо чтобы познакомиться с молодыми людьми, либо чтобы укрепить отношения с теми, с кем они уже встречались, чтобы дело дошло до замужества. В таких городах для этого было много возможностей. Например, в Ангарске в новогоднюю ночь 1956–1957 г. в нефтяном техникуме проходил новогодний студенческий бал: «... работает тир, книжная ярмарка, в коридорах и спортзале – танцы. Когда стрелка часов приблизилась к двенадцати, открыли зал, где была установлена елка. В зале полумрак, мигают лишь огни на елке. Дед Мороз поздравил гостей и студентов с Новым годом, и плавно закружились в вальсе пары...»⁶. В ту же ночь в ангарском городском дворце культуры проходил карнавал. Юношей и девушек встречал хор с песней «Новосел». «В фойе проходили массовые конкурсы, конкурсы на лучшего плясуна, чтеца, певца. Почтальоны без устали разносили вести карнавальной почты «Не унывай!»⁷.

Разумеется, девушки тщательно готовились к подобным мероприятиям: шили вечерние и бальные платья, мастерили украшения, стояли в очереди, чтобы купить туфли. Вечером 31-го декабря после рабочей смены в

⁴ Воспоминания Грицина А.А. // Авторский архив. 28.11.2008.

⁵ Воспоминания Кочетовой Н.Н. // Авторский архив. 25.11.2008.

⁶ Голобоков А. Студенческий бал (Новогодний праздник в Ангарске) // Знамя коммунизма. 1957. 1 января.

⁷ Голобоков А. Указ. соч.

окнах женских студенческих общежитий горел свет: девушки готовились к новогоднему вечеру, который будет в доме культуры или в соседнем мужском бараке). И все это главным образом с одной целью – найти жениха, поскольку к этому сводилась в те годы львиная доля всего женского неформального общения.

Что касается формата домашних застолий, то они также были развиты в новых городах, создававшихся в середине XX в., но их организовывали главным образом уже женщины замужние. У каждого труженика была жизнь общественная, была жизнь частная. Помимо будничных занятий, поездок в центр города по выходным, поездок в родные города, к родственникам, друзьям, в Москву или на отдых в период отпусков, жители городка Нефтяников отмечали общепризнанные праздники. Помимо 8 Марта, 9 Мая и других красных дней календаря, которые по большей части отмечались обыденно и особых воспоминаний у старожилов не оставили, не отразились в фотоальбомах, в жизни всех советских, а теперь уже российских людей был главный праздник – тот, с которого начинался год.

Праздник встречи нового года, который после революции был запрещен как буржуазный праздник, вновь разрешили отмечать в 1936 г. Уже в 1950–60-е гг. в государстве установились общие традиции встречи нового года. Всегда в это время интерьер квартиры украшала ель или сосна, увешанная игрушками или гирляндами. И если покупка и установка новогодней елки была делом мужским (из воспоминаний жительницы Ангарска Артюшкиной Н.Н.: «Город был небольшой, только строился, и лес был недалеко. Отец туда ходил, срубал красивую елку, а потом на срубе писал карандашом «1 руб.», чтобы не было вопросов у милиции, и нес ее домой через весь город...»)⁸, то ее украшение чаще всего становилось делом женщины и детей. «Мама всегда знала, где у нас лежат игрушки для елки. Весь год мы их не видели, а тут откуда-то появлялись эти коробки, настоящий праздник создавали...»⁹.

Елочные украшения формировали определенную эстетику и атмосферу праздника, за которую в советских семьях традиционно отвечали именно женщины. С точки зрения А. Сальниковой, своей наиболее полной, классической форме советский елочно-игрушечный канон явил себя именно к середине 1950-х гг. Главное отличие – дореволюционная елочная игрушка, была максимально удалена от всего повседневного, будничного, а также и от политического, в новых советских елочных украшениях к началу эпохи оттепели (как и в два предыдущих десятилетия) была идеологическая заданность. Практически все они были образны, а многие из них – сюжетны. «Пропаганда здорового образа жизни и массового спорта породила игрушки, изображающие хоккеистов, лыжников, парашютистов. Покорение Арктики нашло свое отражение в игрушках, изображающих дрейфующие льдины и полярные станции. Тема формирования человека-

⁸ Воспоминания Артюшкиной Н.Н. // Авторский архив. 20.11.2008.

⁹ Там же.

мастера и «политехнизация» жизни нашли свое отражение в стиле техно – автомобилях, самолетах, дирижаблях, аэростатах, паровозах»¹⁰. Даже еще казавшиеся в сталинский период «аполитичными» овощи и фрукты олицетворяли советское изобилие. Они обрели новый смысл вместе с появлением в их ряду игрушки-кукурузы в годы хрущевской оттепели. Однако, согласно воспоминаниям старожилок, в провинциальных городах родители, покупая елочные игрушки, зачастую мало задумывались над уровнем их «советскости» – для них важнее были привлекательность и эстетика елочного украшения.

И все же в детских воспоминаниях украшение елки становилось определенным ритуалом, символизирующим радость приближающегося праздника и торжества. В женской социальной памяти зачастую элементы традиций, связанных с новогодним декором квартиры, украшением елки и подготовкой праздничного стола передавались от поколения к поколению. Так, согласно воспоминаниям, в ряде семей, если у родителей было принято наряжать новогоднюю елку 31 декабря, то и дочь, уже будучи хозяйкой в своей семье (в 1970–80-е гг.), делала так же¹¹. Другой пример – если «по маминым порядкам» за стол было принято приглашать гостей за час до наступления Нового года, то так же могла проводить праздник и дочь. Это же касается и набора блюд на новогоднем столе – традиционные салаты, горячее¹².

На плечи женщин-хозяек в новых городах СССР традиционно ложилась готовка разных праздничных блюд, стояние в очередях за шампанским. Но поскольку все дни вплоть до 31 декабря были рабочими, и времени на подготовку к празднику было крайне мало, некоторые женщины, высвобождая для себя хоть какой-то временной резерв, пользовались помощью родителей. «Нас с братом иногда отвозили к бабушке в деревню на все каникулы. Там было весело, но елку бабушка не ставила, игрушек елочных, говорила, что не было у нее. Может и были, но ей не хотелось доставать. Праздник не чувствовался, а так было весело: играли, на санках катались...»¹³.

Чтобы женщина была избавлена от предпраздничных хлопот, некоторые молодые пары, у которых еще не было детей, отмечали Новый год в ресторане. Однако такой вид встречи праздника нередко критиковался официальной пропагандой, поскольку отдых молодым парам портили компании холостяков, собиравшихся в подобных местах с целью выпить. Так, проводившие новогоднюю ночь 1960 года в ангарском ресторане «Тайга» шумные мужские компании были задержаны нарядом дружинников¹⁴.

Среди новых городов СССР, строившихся в 1950–1960-е гг. были не только «рабочие» города, но и группа городов, ставших «научноградскими»

¹⁰ Сальникова А. История елочной игрушки, или как наряжали советскую елку. М., 2011. С. 216.

¹¹ Воспоминания Сливной Л.Н. // Авторский архив. 19.11.2008.

¹² Воспоминания Кочетовой Н.Н. // Авторский архив. 25.11.2008.

¹³ Воспоминания Шумиловой Г.А. // Авторский архив. 14.10.2008.

¹⁴ Рязанов Ю., Елфимов А. Репортаж из «Тайги» // Знамя коммунизма. 1 января 1960.

(Дубна, новосибирский Академгородок и др.). Стоит отметить, что некоторые традиции празднования Нового года, в первую очередь, с наиболее близкой к женской повседневной жизни – гастрономические, имели в таких городах важные отличия. Дубна, как наукоград стратегической отрасли, а также как научный центр международного уровня, имел специальное снабжение. По воспоминаниям старожилок, снабжение города было организовано «по первой категории», что избавляло женщин от многих знакомых другим советским горожанкам проблем обеспечения семьи продуктами перед праздниками: от дефицита, очередей, блата и т. д. При этом иностранных ученых, работавших здесь, которые в середине XX в. приобщались к так называемым советским реалиям празднования Нового года, обеспечивали еще более качественными товарами и продуктами через стол заказов. Однако стоит отметить, что и обычные жительницы Дубны могли изредка что-то в них купить, что, по воспоминаниям, было особенно ценным в период конца декабря. И.Т. Насонова вспоминала: «В те годы все было. Для иностранцев был стол заказов. Перед Новым годом и сервелат, и печенку они там всегда могли купить. А у меня был низкий гемоглобин, и мне печенку тоже там отпускали – не отказывали...»¹⁵.

В целом, по воспоминаниям женщин, даже повседневная еда могла быть достаточно разнообразной. В период оттепели, здесь готовили ежедневно супы (борщ, солянку), котлеты-полуфабрикаты, курицу. Обязательным атрибутом новогоднего стола в одной из дубненских семей становился салат оливье, мясо по-французски, утка или индейка с яблоками, язык¹⁶. Это разнообразие являлось большим отличием от рабочих городов, например, Омска, где в рабочих семьях повседневной едой чаще всего была квашеная капуста и каши, а винегрет считался праздничным (в том числе новогодним) блюдом¹⁷. В Дубне в канун Нового года всегда можно было купить не только мясные продукты, но и икру (по воспоминаниям, 5 рублей стоила баночка красной икры и 7 рублей черной)¹⁸.

Однако, несмотря на хорошее товарное обеспечение в магазинах, женщины Дубны, как и жительницы «рабочих» городов, занимались в 1960-е гг. домашним консервированием, в том числе заранее – для новогоднего стола. Рецептами обменивались прямо на работе в институтах: «Каждый принесет на работу свои заготовки, все пробуем, у кого вкуснее. Ты мне рецепт, я тебе...»¹⁹. Одна из респонденток делала множество заготовок для родственников к новому году: «...заготовила 32 банки огурцов, 5 литров вишневого варенья, 3 литра черной смородины, в теплице баклажан – усыпано. Перцы, помидоры. Под 250 банок делала – всем, и маме с папой, и брату, и бабушке

¹⁵ Воспоминания Насоновой И.Т. 1938 г.р. // Авторский архив. 2022.

¹⁶ Воспоминания ГМ // Авторский архив. 2022.

¹⁷ Воспоминания Кочетовой Н.Н. 1954 г.р. // Авторский архив. 2019.

¹⁸ Воспоминания ИТ // Авторский архив. 2022.

¹⁹ Воспоминания ГМ // Авторский архив. 2022.

со свекровью. Грибов солили по 2–3 ведра – кадушки. Сушили. А если белых набирали – а они становятся золотистого цвета...»²⁰.

Особенностью омского Городка Нефтяников и иркутского Ангарска было то, что основными предприятиями здесь были нефтезаводы. Нефтеперерабатывающее безостановочное производство требовало того, чтобы ряд рабочих, инженеров пребывали там и в момент встречи Нового года. Поэтому регулярно этот праздник многим приходилось отмечать не в кругу семьи, а в заводских цехах. Например, у Анастасии Сергеевны и Сергея Даниловича Грицина в семейном фотоальбоме не оказалось ни одной новогодней фотографии: глава семейства в Новый год попадал на ночное дежурство. Дежурил он всегда и за себя, и за супругу, чтобы она осталась на праздник с детьми. В семье Сливиных, также проживавших в омском Городке Нефтяников, были другие традиции встречи праздника. Супруги работали в иных отраслях – Степанида Ивановна Сливина – почтальон омского отделения связи № 53, а Николай Алексеевич Сливин – строитель, подрабатывавший дворником на Советском рынке. В их семейном альбоме новогодние снимки имелись, и на них неизменно был полный стол гостей – друзей и родственников. «Сколько этот огромный стол усилий маме стоил! Все приготовить, а потом сидели до утра. Ей повезло, что у нее было четыре дочки. Мы помогали, а отец уже 31 декабря с утра начинал отмечать...»²¹.

Наконец, в семейном архиве Евгения Степановича Мамакина, который работал фотографом на омском нефтезаводе, новогодних фотографий было больше всего. Еще в то время, когда молодая семья Мамакиных получила комнату в Городке Нефтяников, Евгением Степановичем была развернута настоящая фотографическая лаборатория в служебном жилье. К новому 1958 г. в подарок супруге им была сделана поздравительная открытка с собственной фотографией. Судя по верхнему волнообразному краю, который был сделан специальными фигурными ножницами, а также по центральному размещению изображения на фотобумаге, фотографом не использовался готовый бланк поздравительной открытки, а создавался новый. Его фото, в зимней шапке и шарфе, которое вырезано в виде круга, является элементом композиции, в составе которой выделяются еловые заснеженные ветки на переднем плане и Спасская башня Кремля на втором плане. Время на часах, разумеется. Надпись «С Новым годом! 1958 г. Омск» была сделана также Евгением Степановичем на негативе фотографии, а на позитиве соответственно, проявилась так, как будто открытка была напечатана в заводской типографии.

Эта самодельная открытка является не просто ценной находкой, не просто красивой поделкой известного в Городке Нефтяников фотографа, но еще и свидетельством того, какое место подобный праздник занимал в жизни трудящихся этого района и как мужчины пытались сделать прият-

²⁰ ²⁰ Воспоминания ГМ // Авторский архив. 2022.

²¹ Воспоминания Кочетовой Н.Н. // Авторский архив. 25.11.2008.

ное своей второй половинке, для которой праздник становился не только радостью, но и огромным числом бытовых хлопот.

Другая фотография из архива семьи Мамакиных была сделана при встрече нового 1960 г. Годы, которые были юбилейными или «круглыми», всегда встречались с особым торжеством и размахом. В такие годы предприятия, производившие елочные игрушки, каковых в стране были единицы, увеличивали выпуск своей продукции (но в большинстве случаев игрушки изготавливали самодельно), лесные хозяйства заготавливали больше еловых и сосновых деревьев для того, чтобы трудящиеся устанавливали их в своих квартирах, на телевидении готовились наиболее торжественные программы и телепередачи. И в каждой семье усиленно готовились к празднику. По воспоминаниям женщин, проживавших в Ангарске в 1950–1960-е гг., вечером 30-го и утром 31-го декабря хозяйки начинали готовить разные блюда – салат оливье, винегрет, соленья, пирог, часто пельмени, нарезали доставленное родственниками из деревни в подарок сало²². После этого женщины чаще всего шли на работу, а вечером, возвращаясь с трудовой смены, продолжали готовить, накрывать на стол. В 11 часов вечера за столом собиралась вся семья, чаще всего, поскольку города были молодыми, это были родители с маленькими детьми. После торжественного боя курантов дарили подарки, ужинали, а затем, когда поздней ночью детей укладывали спать, родители отправлялись к соседям, друзьям, знакомым. Если в доме собственного телевизора не было, то шли в первую очередь к тем, кто им уже успел обзавестись. Там и проходила большая часть новогодней ночи для горожанок омского Городка Нефтяников и Ангарска. Обычно у тех людей, которые имели самый новый и большой телевизор, собирались целыми подъездами. «В нашем подъезде в пятиэтажке у нас одних была тогда телевизор «КВН-49». Так все соседи по подъезду собирались у нас и до утра смотрели передачи. Мама все хлопотала, до последнего гостя не ложилась...»²³.

Традиции эти начали формироваться еще в деревянных бараках, затем были подхвачены нефтезаводчанами и жителями района в период коммунальных квартир и, наконец, квартир отдельных (хрущевки). И хотя, по воспоминаниям, между соседями, друзьями и родственниками, которые встречали новый год вместе, не было и тени зависти, особенностью нефтяной отрасли в СССР было то, что сюда приезжали молодые рабочие за большими заработками и хорошим снабжением. Оно было именно в этой отрасли промышленности, которая со временем стала обеспечивать большую часть доходов советской экономики. Материальные блага для женщины-хозяйки играли довольно значимую роль, и особенно это касалось празднования Нового года как повода подвести итог, войти в новую жизнь.

На фотографии 31 декабря 1959 г. запечатлены Евгений Степанович и Эмилия Аркадьевна Мамакины со своими детьми. Фото было сделано ав-

²² Воспоминания Егоровой Т.А. // Авторский архив. 28.11.2008.

²³ Воспоминания Росляковой Г.Д. // Авторский архив. 17.11.2008.

тоспуском, который часто практиковал фотограф. Одеты они нарядно. Евгений Степанович в костюме, пиджаке и галстуке. Эмилия Аркадьевна в вечернем платье с бусами. Нарядны и их дети. На заднем плане в центре виден приобретенный к этому времени семьей большой папоротник, а слева главный атрибут праздника – новогодняя елка, украшенная серпантинном и дождиком. За окном темно, это говорит о том, что фотография делалась вечером и вскоре семья должна была встретить новый, 1960 год²⁴.

Яркие воспоминания оставили новогодние праздники, проведенные в Городке Нефтяников, и семьи Сливиных. Фото, сделанное первого января 1965 г., свидетельствует о том, насколько в некоторых семьях Новый год был праздником, организованным именно для детей (подчеркивается особенность именно новых городов и городских районов, построенных в СССР силами молодых комсомольцев, создавших атмосферу поколения «бэби-бумеров»). Так, на фото изображены четыре дочери Степаниды Ивановны и Николая Алексеевича – Наталья, самая старшая (стоит, обнимает рукой Веру), Надежда (сидит, обнимает рукой Любовь), Вера, третья по старшинству (стоит слева) и Любовь, младшая (стоит на табуретке). Справа стоит Борис Матвеев, сын Александры, сестры Степаниды Ивановны, двоюродный брат сестер Сливиных. Позади справа стоит новогодняя ель, украшенная самодельными игрушками из бумаги, бумажным серпантинном, вата имитирует снег.

Старшие две дочери, школьницы, в честь праздника надели школьную форму. А самая старшая сестра Наталья уже была пионеркой, она надела красный галстук. Несмотря на все трудности, связанные с переездом семьи в новую квартиру в Городок Нефтяников, этот первый в новом жилье, 1965 год был встречен ими и с новогодней елкой, и в присутствии гостей.

Надежда Николаевна вспоминала, что Новый год был всегда самым любимым праздником в семье. Когда в 1967 г. глава семейства вернулся из Алма-Аты и стал подрабатывать дворником на Советском рынке, к ним регулярно подсеялись армяне, торговавшие на базаре в период новогодних праздников. Они арендовали одну комнату, а в другой временно селилась вся семья из шести человек. «... Однажды они остались встречать Новый год с нами. Обычно уезжали раньше. Их было двое, муж с женой. И накрыли большой стол, на котором было очень много всего самого вкусного и дорогого – виноград, мандарины, вина. Армянка сказала маме (Степаниде Ивановне – А.Ж.), что ей надо в такой праздник выглядеть очень нарядно. Она долго отказывалась, говорила, что не стоит, но та ее уговорила. И они в шифоньере достали самое лучшее платье. Она помогла сделать прическу, а т.к. лаков для волос тогда не было, то облила ей голову пивом, на которое накрутила бигуди, накрасила ее. После этого мама выглядела как королева. Мы встречали Новый год все за одним столом. Эти армяне были очень интересные люди, рассказывали истории из жизни, самые невероятные. Мы слу-

²⁴ Фото семьи Мамакиных. 1959 г. // Личный архив семьи Мамакиных, г. Омск.

шали всю ночь, раскрыв рты. Сейчас я, разумеется, ни одной из этих историй уже не помню. Вот такой интересный был Новый год...»²⁵.

Этот эпизод красочно характеризует то, что большинстве молодых советских семей 1950-60-х гг. поддерживали ставшие традиционными для новогоднего праздника формы эстетического баланса. С одной стороны, желание женщины иметь красивый (или даже лучший, если на торжество придут друзья и родственники) новогодний стол, с другой стороны – стать «королевой бала», выглядеть не так как обычно хотя бы раз в году, сбросить с себя образ работницы завода. Возможно, именно поэтому так запомнился одной из респонденток этот эпизод, когда мама 4-х дочерей, работавшая почтальоном, вдруг стала совсем другой, не такой как они ее всегда видели в повседневной жизни – на тяжелой работе или на маленькой кухне в халате и фартуке.

Был в повседневной жизни молодого города Ангарска случай, когда приготовленный стараниями женщины новогодний стол оказывался самым желанным, но недостижимым атрибутом новогоднего праздника. Это, в 1960 году случилось в семье Днепровских. Уже сев за новогодний стол, по просьбе детей, они решили пойти на улицу и посмотреть на падающий снег, но ключ забыли дома, а дверь захлопнулась. «С завистью поглядывали сквозь щели закрытых дверей на богатый праздничный стол. В квартире был включен приемник, пробило двенадцать. Через дверь слушали традиционную новогоднюю речь председателя облисполкома...»²⁶. В целом в подобной истории, опубликованной в главной ангарской газете того времени «Знамя коммунизма» виден явный намек на осуждение гендерных установок празднования Нового года, которые вели свои истоки еще с традиционных сельских (отчасти дореволюционных) форм этого праздника, перекочевавших в городскую культурно-историческую среду. Согласно традициям весь новогодний праздничный советский ритуал сводился к обильному застолью (ради которого следовало долгие предшествующие месяцы откладывать самые лучшие продукты), которое полностью готовила жена. Также долгожданный повод выпить и закусь для мужа.

В целом алкоголь в «рабочих» городах стал одним из главных атрибутов празднования Нового года, который активно поддерживали мужчины и с которым боролись их жены. Особенно эта тенденция усилилась после выхода Указа Президиума Верховного Совета СССР от 23 декабря 1947 г., по которому 1 января получило статус праздничного и нерабочего дня²⁷. 1 января 1962 г. в ангарской газете «Знамя коммунизма» появился фельетон «Ответственное поручение»: «... В первой квартире мы выпили столичной. Чудесная вещь, и что меня радует, никто не ограничивал в количестве... Снегурочка исчезла... В квартиру Червякова дед-мороз ввалился один незадолго

²⁵ Воспоминания Грицина А.А. // Авторский архив. 28.11.2008.

²⁶ Терлецкий А.И. Так бывает... // Знамя коммунизма. 1 января. 1960.

²⁷ Указ Президиума ВС СССР от 23.12.1947 об объявлении 1 января нерабочим днём // Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР. 1938 г. — июль 1956 г. / под ред. к. ю. н. Мандельштам Ю.И. М., 1956. С. 376.

до боя курантов, обняв за шею хозяина, дыша перегаром и оставляя ключья ваты на темно-синем костюме... Червяков, увидев изумленные глаза пятилетнего сынишки и жены, завел деда-мороза в комнату...»²⁸.

В новогоднюю ночь в годы Хрущевской Оттепели на улицах новых городов был организован повышенный контроль с целью пресечения хулиганств и пьяных дебошей. Это же касалось и «наукоградов», которые как «витрина социализма» не должны были показать нелицеприятную сторону повседневной жизни советских граждан перед иностранными учеными. В частности, в Дубне в те годы «...Дежурил патруль комсомольский, и никаких пьянок на танцплощадке, никаких безобразий не было. А если встречалось, то быстро решалось. И редко приглашали милицию...»²⁹.

В употреблении мужской половиной алкоголя в «рабочих» городах проявляется также линия поведения, связанная с неуважительным отношением к женщинам. По умолчанию, хозяйка должна простоять в очередях, накрыть на стол. При этом на заводе она работает не меньше супруга. Но нам открывается еще один яркий образ – это не только женщина в роли жены, но и женщина-мать, которая борется за то, чтобы на путь алкоголизма в подобные праздники не встал ее подрастающий сын (или сыновья). Этот образ был ярко проиллюстрирован в фильме «Шестнадцатая весна» 1963 г. («Свердловская киностудия»), который был снят в одном из новых городов Свердловской области. Сцена, в которой, ее шестнадцатилетний сын женщины привел на празднование Нового года товарищей из автоколонны, заканчивается тем, что женщина собирается в новогоднюю ночь уйти из собственного дома, чтобы не видеть, как дружки в прямом смысле спаивают ее юного сына.

Таким образом, исследовав на материалах широкого круга источников реальные аспекты женской повседневности в период празднования Нового года, мы можем прийти к выводу о глубоких противоречиях в этом внешне имеющем лоск торжества и атмосферу счастья событии. Эти противоречия скрывались в самом формате мероприятия, в котором у женщин не оставалось выбора. Вопреки сформированным кинематографом и ностальгическими воспоминаниями стереотипам, именно женщинам на правах хозяйки приходилось брать на себя большую часть организационной работы. Мужчина – глава семьи, но в молодых рабочих семьях в этот период он чаще лишь помогал, исполняя поручения хозяйки. И судя по многочисленным газетным фельетонам и устным воспоминаниям, мужская половина новых советских городов 1950-х гг. ждала Нового года как серьезного повода выпить. В сложных реалиях советской (в частности, сибирской) повседневности (суровые морозы, сложное нефтеперерабатывающее производство и т.д.) образцовых семей, где отец весь день бы мастерил что-либо с детьми, а вечером помогал накрывать на стол, оказывалось очень немного (в отличие, например, от Дубны или

²⁸ Гордиенко А. Ответственное поручение: Юмористический рассказ // Знамя коммунизма. 1 января. 1962.

²⁹ Стефановская Л.И. Комсомольские годы – одни из самых замечательных в моей жизни // Комсомол Дубны. История в фактах и воспоминаниях / Сост. Н.Н. Присловнов. Дубна, 2018. С. 174.

строившегося в этот же период как новый район – новосибирского Академгородка, где таких семей было гораздо больше, поскольку здесь проживали в основном представители интеллигенции – ученые).

В бытовом аспекте подготовки праздника жительницам такого наукограда, как Дубна, было гораздо легче, чем женщинам «рабочих» городов: накрыть новогодний стол для них становилось гораздо более легкой задачей, чему способствовали условия спецнабжения, столь важные в реалиях советской экономики тех лет.

И все же, несмотря на трудности, именно женщины в этих сибирских городах с аскетичным образом жизни и суровыми условиями становились главным украшением этого праздника. Молодые девушки были в центре внимания на новогодних маскарадах, а замужние женщины казались своим мужьям и детям в эти дни настоящими «королевами». Своими образами и заботой о семье вместе с мужьями они создавали ту неповторимую атмосферу, которая и позволила поколению детей 1950–1960-х гг. как самый главный праздник в году и один из самых ярких моментов детства.

Список литературы:

1. Сальникова А. История елочной игрушки, или как наряжали советскую елку. М.: Новое литературное обозрение. 2011. – 240 с.

Об авторе:

ЖИДЧЕНКО Александр Владимирович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая, РАН (119334 Москва, Ленинский проспект 32а); e-mail: Travel822@yandex.ru

«WOMEN'S HOLIDAY»: TRADITIONS OF CELEBRATING THE NEW YEAR IN A NEW SIBERIAN CITY IN THE 1950-60S.

A.V. Zhidchenko

The Institution of the Russian Academy of Sciences N.N. Miklukho-Maclay Institute of Ethnology and Anthropology, *Moscow, Russia*

The article reveals some of the features of the popularly beloved in the USSR holiday–New Year, through the prism of women's everyday life, on the materials of new cities in Siberia, built in the 1950–60s –Omsk Gorodok Neftyanikov and Angarsk, Irkutsk region. In the study, for the first time in domestic and foreign historiography, an attempt was made to penetrate under the cover of festive gloss and the atmosphere of nostalgia, and to understand the real emotions, feelings and experiences of Siberian girls and women who were gaining life experience at Komsomol construction sites, far from their parents. They wanted family happiness, but they faced the harsh realities of Soviet reality – a shortage of food, work shifts on New Year's Eve and the desire of their husbands to «escape reality». Such examples were not massive and comprehensive for such new Siberian cit-

ies, but they clearly show all the contradictions between the ideal picture of the holiday created by Soviet propaganda and its real embodiment in everyday life.

Keywords: *everyday life, women's history, holidays, urban culture, Siberia, oral history.*

About the author:

ZHIDCHENKO Alexander Vladimirovich – Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher, the Institute of Ethnology and Anthropology named after A.I. N.N. Miklukho-Maklay, RAS, (119334 Moscow, Leninsky Prospekt 32a); e-mail: Travel822@yandex.ru

References:

Sal'nikova A., *Istoriya elochnoj igrushki, ili kak naryazhali sovetskuyu elku*, M., Novoe literaturnoe obozrenie, 2011. – 240 s.

Статья поступила в редакцию 28.11.2022 г.

Подписана в печать 15.12.2022 г.